Редактор страницы: Ирина Клепикова
Тел: +7 (343) 375-85-45
E-mail: klepikova@oblgazeta.ru

«Чтение на ночь? Ноты!»

Облигации Госзайма СССР помогли Ивану Пермякову доехать до Уральского хора и... стать народным артистом России

Ирина КЛЕПИКОВА

Готовясь к интервью, накануне поздно вечером решила переслушать пермяковские песни. Поставила его сольный диск «Зацветает краснотал». И в наушниках зазвучали «Одинокая гармонь», «Исетский вальс», «Вечереет», «Проталина». Ту же «Уральскую рябинушку» дважды прослушала. Или абсолютно неожиданные «Подмосковные вечера». Уже не для интервью. Для себя. До часу ночи. Просто потому, что – не оторваться...

– Иван Иванович, не обидитесь, если скажу: не так много читателей может оказаться у нашего интервью. Мы с вами о народной песне России, а она давно не в тренде. Песенных конкурсов и шоу – тьма. Только даже малолетки поют там всё больше на английском...

– Не обижусь. И даже больше вам расскажу. Я часто работаю в жюри музыкальных конкурсов. Новый Уренгой, Тюмень, Челябинск, Омск, Нижний Новгород... По 10–11 часов слушаю конкурсантов. И – да, вижу: дети четырёх-пяти лет стараются петь на английском. Конкурс в России, а процентов 90 участников «спикают на инглиш». Однажды я вообще остолбенел от одного юного конкурсанта. Тот держался более чем уверенно. Микрофон в одной руке, в другой, на пальце – ключи от машины, которыми пацан наигрывал. И песня «под картинку»: типа вот я какой крутой! От неуместности, вульгарности происходящего тогда захолонуло сердце. Ну с пацана, ладно, спрос ещё невелик. Но родители или музыканты, готовившие его выход на сцену, – им-то почему вкус изменил?

Смотрел на пацана – себя в его возрасте вспомнил...

Народный артист России Иван Пермяков записал уже восемь сольных альбомов

Подушка – под стол, ноги – у дверей

– Родина моя – Пермяки Пермяковского сельского совета Пермского края. Глухая деревня была, дорог никаких. По грязи можно было проплыть только на подводной лодке. Но какая же певучая была деревня! Время-то было послевоенное. Закончив косить-полоть-копать, деревенские бабы собирались в нашей избе – попеть. Хорошо, если случалась гармошка или балалайка. Но с фронта в деревню вернулись только три мужика, гармониста часто забирали на сельхозработы. Потому пели «насухую», без музыки. А я забирался на печь, смотрел и слушал. Сперва робкий строй голосов, но постепенно он всё более складывался, отчего потихоньку оттаивали и души. Это было как «выдох» после тяжкого трудового дня. А дальше **нередко начинался сухопляс, который из избы выплёскивался на улицу, на площадку, что от этих горьких бабьих притопов была вытоптана как сковорода.**

Не дай бог ещё раз видеть этот немой народный пляс, слышать вдовьи запевы. И вспоминать-то тягостно. Но именно в то время я, видать, на интуитивном уровне почувствовал огромные выразительные возможности песни. Когда она не «трали-вали», не потеха, а выражение сердечной муки или радости...

– Если с детства припали душой к песне, то почему начали со строительства, вполне земной специальности?

– Так родители-то не о сцене для меня мечтали. Хотели основательной для жизни профессии. Решил поступать в строительный. Кинул котомку в машину с зерном, которая ехала в Пермь, – и вперёд. Поступил. И два года учился по специальности «плотник-опалубщик». Параллельно с самодеятельностью! А тогда самодеятельность была не то, что ныне – большие коллективы создавались (тот же хор), руководили ими профессионалы, и где мы только ни выступали. На перекрытии Камы, строительстве Воткинской ГЭС, по городам Пермского края. Мне уже и запевы стали давать. И вдруг на одной из репетиций худрук, отставив баян, говорит: «Ванюша, думаю, тебе надо петь в профессиональном коллективе». Может, и надо, а как попасть туда? Но верите ли (вот как судьба играет) – вскорости вижу в пермской газете «Звезда» объявление о конкурсе в Уральский народный хор. Всего на два вакантных места!

А у меня не на что было даже доехать до Свердловска. Выручил двоюродный брат ***Михаил***: денег, говорит, тоже нет, но есть облигации госзайма. Сдали мы их в Сберкассу. И денег хватило ровнёхонько на билет туда и обратно. Без постели! Постель, уже на обратном пути, дала мне сердобольная проводница. Но на тот момент мне уже было всё равно: конкурс прошёл, приняли в хор, сразу предложили участие в концертах, так что я готов был жить и без постели, и без крыши над головой, хоть на вокзале (у хора жилья не было). В общем, так и вышло.

Остановился в Свердловске у дальней родственницы – и мы в комнате 9 кв. метров жили вчетвером! На ночь я под стол, на крестовину, бросал подушку, там и спал, а ноги уже были у дверей. Но «быт» абсолютно меня не трогал.

– От вас же наслышана, что дома к вашей артистической карьере отнеслись прохладно (если мягко сказать), рассчитывали всё же, что со строительной специальностью вернётесь в деревню...

– Пережил и это. Душа пела. Через полмесяца мы уехали на гастроли по области – Ирбит, Туринск, выступления в летних деревянных театрах, концерты на празднании окончания полевых работ. Какой дух объединял всех – артистов и зрителей, молодёжь и мастеров. В хоре работали «зубры» со всероссийскими именами – ***Павел Титель*** (может, слышали песню «Зовёт гора Магнитная»?), ***Анна Петрова*** и ***Августа Устюжанина***, первые исполнительницы «Уральской рябинушки», ***Николай Кремешный***, ***Владимир Ковбаса***, ***Василий Устьянцев***. Самородки! Я возле них словно птенец был. На всю жизнь запомнил, как ***Неонила Александровна Мальгинова***, одна из основательниц Уральского хора, наставляла: «Ваня, не болтайся без дела за кулисами. Смотри и слушай, как работают великие мастера».

Огромный СССР изутюжен на десятки раз

– В этом году – юбилей хора, 75 лет. Конечно, нынешние эстрадные звёзды в праздновании своих гораздо более скромных дат переплюнут любой прославленный коллектив. Пусть. Но когда знакомишься с историей Уральского народного хора – такая гордость охватывает «за наших», за Урал!

– В лучшие свои времена Уральский хор находился дома в общей сложности месяца четыре в год. Остальное – гастроли: Дальний Восток, Сахалин, Заполярье, Туркмения, Казахстан. Огромный СССР изутюжен на десятки раз! Едешь на Дальний Восток, а тебе в пути телеграмма – «тов. Пермяков, командируетесь на строительство Байкало-Амурской магистрали». А там мороз 42–45 градусов. Но ничего – 10–15 концертов «по морозцу»... Концертные программы репетировали в поезде, в самолёте. Только в гостинице разместились, уже объявляют: репетиция. Таких поездок у меня – с ума сойти. Целинные земли, БАМ, поездка к реактору после катастрофы в Чернобыле, из совсем недавнего – Сирия. Вся жизнь – получается, история страны. Например, была такая стройка «Рефтинская ГРЭС» – сначала ты поёшь для строителей в котловане, а потом уже видишь работу станции и поёшь для сотрудников ГРЭС...

А «Поезда искусств» по области?! Выезжали тремя вагонами, вместе с писателями-художниками-кинематографистами, месяца на полтора, давали концерты в более чем 40 городах, собирали стадионы. А в программе – Уральский хор, ***Магомаев***, ***Эсамбаев***, конферансье ***Брунов***... Лет 7-8 такие программы шли на стадионах. А всесоюзные музыкальные фестивали, на которых и хору, и мне посчастливилось выходить со звёздами многонационального СССР?! «Белые ночи» (Ленинград), «Мэрцишор» (Кишинёв), «Белая акация» (Одесса), Дни Российской Федерации в союзных республиках...

– Вы сказали: чувствовали себя вначале рядом с мэтрами словно птенец. Надо полагать, стояли в общем ряду. Как «из общего ряда», из хора переходят в солисты?

– Я мог петь частушки. С изюминкой подать их. На этом заприметили. А дальше начинается мой разворот. Уральские композиторы стали заниматься со мной, в меня вкладываться. С ***Евгением Павловичем Родыгиным*** сколько проехано! А у него жесточайшая дисциплина – и концертов, и репетиций. Не успеешь в город на гастроли приехать, в гостинице разместиться, а он уже на репетицию зовёт... Позже и другие блестящие уральские композиторы ***Геральд Топорков***, ***Владимир Горячих***, ***Владимир Пестов***, ***Клара Кацман***, ***Валентин Лаптев***, ***Евгений Щекалёв*** стали предлагать к исполнению свои произведения. Я даже (*смеётся*) фортепиано купил домой для занятий. Я им, композиторам-землякам, всем благодарен: учился у них подаче музыкальной фразы, выразительности каждого куплета. А ещё всегда искал аранжировщика, который бы понимал тебя как исполнителя. Тогда и подача песни, соло – выразительнее.

– Вопрос деликатный, но не спросить не могу. Звёздной болезнью и её «хроническими осложнениями» никогда не страдали? От известности, востребованности могло ведь «крышу снести»?

– Очень хороший вопрос. Такое в нашем артистическом деле случается и случалось. Примеров – масса: от любимца эстрады ***Валерия Ободзинского*** до мощного киноактёра ***Бориса Андреева***. И у меня, признаюсь, была такая опасность. Концертов по семь-восемь в день, востребованность зашкаливала, зарплата тоже. Пришёл в хор – оклад был 60 рублей, а в восьмидесятые годы средняя заработная плата у меня была... Нет, не скажу, сколько. Но гораздо поболе профессорской. Друзей при этом много становится. «Надо обмыть, надо поблагодарить». Здоровья хватает не у всех. Начинаешь отказываться, а тут те же доброхоты: «А, зазнался...» Какое «зазнался»! Ведь ты должен завтра выйти на сцену. И завтра, и послезавтра. Достойно выйти. А если нет, то лучше купить тулуп и берданку и встать на углу сторожем.

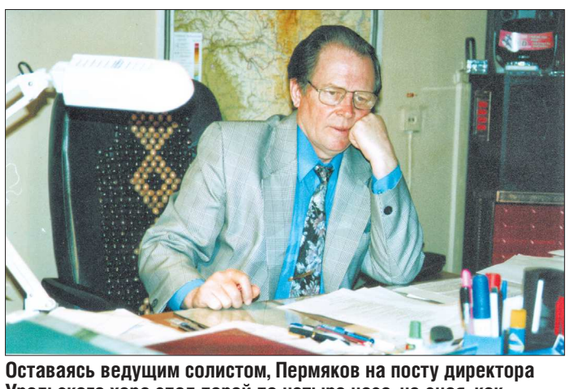
В какой-то момент оказываешься перед выбором и понимаешь: выход один – жесточайшая дисциплина. Начал говорить «Я за рулём», хотя машину не вожу, не научился. И главное – задумался: если даже в какие-то моменты ты не слишком востребован (вот тут «друзья» и предлагают расслабиться), надо делать самостоятельные номера, создавать собственные концертные программы.

Иногда вижу по телевидению: большие мастера жалуются на то, что долгие годы не были востребованы и потому, мол, подрастеряли мастерство. А для меня пример – ***Людмила Гурченко***. Тоже была невостребована, но сама готовила концертные программы, не ждала приглашений. «Примеряю» на себя: да, ты сегодня можешь быть невостребован, предположим – новый художественный руководитель не видит тебя в новой программе – не «неси впереди себя звание», забудь о нём, найди себя, не сдавайся. Проявляй себя, иначе и утраченное мастерство, и невостребованность и станут твоими проблемами.

«Спал по четыре часа в сутки»

– Насчёт «не сдавайся». Я даже не про вас лично – про хор в целом. У него ведь были тяжелейшие времена. В перестройку, когда Россия переходила на рыночную экономику, рушилось всё, что не «предрасположено» зарабатывать. Культура прежде всего...

– Очень трудные годы были. Очень. И именно тогда я более шести лет был директором Уральского народного хора. У коллектива тогда – ни концертов в полную его силу, ни гастролей. Зарплаты – только бы выжить. Спал по три-четыре часа в сутки. **Идёшь на работу и думаешь, где заработать, чтобы костюмы пошить, как зарплаты артистам выплатить, элементарно – как накормить людей. Кругом было шаром покати. Прихожу в министерство за деньгами, а мне: «Иван Иванович, надо искать...» Где искать? На дороге?** Ситуация, как говорится, врагу не позавидуешь: мне, творческому человеку, пришлось думать о деньгах, коммерции. Поделить своё время на творчество и менеджмент. При этом менеджмент осваивал на ходу, попутно. Спасибо друзьям из нетворческой сферы, с уральских предприятий – помогали кто копейкой, кто продуктами, кто отрезами на те же костюмы. Если что-то удавалось «добыть» – это были самые счастливые для меня минуты... И продолжал петь, оставаясь солистом. А как иначе?! Коллектив-то мне тоже в своё время помог стать на ноги. И это как в семье: сначала тебе помогают стать человеком, а потом наступает время отдавать долги.



ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА ИВАНА ПЕРМЯКОВА

Оставаясь ведущим солистом, Пермяков на посту директора Уральского хора спал порой по четыре часа, не зная, как выдать зарплату, из чего пошить костюмы...

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА ИВАНА ПЕРМЯКОВА

Ивана Пермякова заприметили в Уральском хоре с частушками, умением подать их с изюминкой. «Калиновские частушки», а также другие песни в его исполнении можно послушать на сайте oblgazeta.ru

Не скрою: в труднейшие для России годы «доброхоты» нам подсказывали – вот, мол, иностранные посольства, можете попросить гражданство, остаться за рубежом. Никто не остался! Ни в красавице Австрии с её Альпами, ни в Японии, ни во Франции. Хотя мы знали, что оставались за границей наши коллеги из ансамбля ***Игоря Моисеева***, из «Берёзки», из Ансамбля донских казаков. Вопрос – прижились ли они в другой стране? Язык, может, и выучили, и работу нашли. Но практика показывает: вписаться в иную культуру большинство не может, особенно – артисты народного жанра. Слишком крепкие национальные корни у нашего творчества. Да для меня Урал лучше любой Швейцарии. Как еду в Москву поездом – не усну, пока в окно не увижу красоты Красноуфимского района. А дорога в Карпинск, Волчанск – когда ты видишь снежные шапки Северного Урала. Глаз не оторвать! Не собираюсь агитировать, но родину надо любить. Простите – по-сельски говорю, по-деревенски, но от души.

Девчонки в сарафанах, обезьяна и волк

– Задержу вас на теме «культура и рынок». Возникшая на стадии «дикого капитализма», она никуда не делась и сегодня. Рыночные отношения укрепляются. И проблема выживаемости культуры остаётся. Принятые в 2014 году «Основы государственной культурной политики» её не решили. Она с годами только усиливается для народной культуры, из которой шоу не сделаешь...

– Ох, расковыряли болячку. Не хотел этой темы касаться, но раз вы сами её тронули... Государству во что бы то ни стало надо развернуться к народному жанру. Я за спорт (дружу с ***Николаем Дураковым***), за эстраду (творческое долголетие ***Ротару***, например, вызывает зависть). Но нельзя вкладываться только в спорт и эстраду. Когда на посту директора хора я отстаивал приоритет нашего национального искусства, а мне твердили: «Зарабатывайте», я отвечал: «Хорошо, можно нарядить в сарафаны трёх девочек, взять обезьян и волка, сделать шоу, разъезжать с ним по городам и весям и зарабатывать деньги, только искусство ли это?». Народное искусство не создано для зарабатывания денег, для бизнеса. Это национальное достояние России, и стало быть, отношение к нему не может быть коммерческим.

Спросите: что делать? Нужен новый Закон о культуре, который бы вывел наконец концертную деятельность из сферы услуг. Меня это всегда коробило. Какие «услуги»? Народное искусство – это не «постричь, побрить, пришить карман».

Мне посчастливилось проехать десятки стран, побывать на десятках конкурсов, куда иной раз приезжало по 30–40 национальных коллективов. Всегда старался посмотреть их программы. Люблю татарский танец, еврейские «косички», мордовское монисто... Но сегодня, будучи председателем Общественного совета при министерстве культуры Свердловской области, не раз и не два делился в минкульте своими наблюдениями: **чем меньше нация – тем бережнее относится к своей культуре. Почему же с русской культурой не так?**

– О причинах не отвечу. А последствия – это и тот пацан с ключами от машины, поющий на инглиш о «красивой жизни».

– Да я не против пения на английском. Я сам на гастролях пою и на китайском (*поёт на китайском «Уральскую рябинушку»*), и на чешском, и на словацком... И не за оголтелое сохранение на российских сценах кушаков да косовороток. Не дай Бог, как в 1950-х, хватать на улице ИНАКОодетых – ругать за длинные волосы или расстригать брюки-дудки. Уральский хор сегодня тоже ищет современной подачи уральской песни и танца. Но если по гамбургскому счёту – почему из западной-то культуры, к которой припали по причине глобализма, мы усваиваем прежде всего корявое знание английского, патлатость да рваные джинсы?

– Как у Шекспира, «ты обратил глаза зрачками в душу». Труднейшие вопросы ставите... Иван Иванович, а правда, что в детстве вы хотели стать священником?

– Хотел! Однажды в деревню приехал священник, я стоял последним в избе, не всё видел, но впечатлило таинство обряда, исповедальность общения. Хотя церковь в те годы была не в чести. Вторая знаковая в этом смысле встреча произошла, когда я уже был известным артистом. Как-то в поезде оказались в одном купе со священником. Разговорились. «Иван Иванович, – говорит он мне, – послужили искусству. Может, послужите и церкви?». Я ответил: всему своё время. Да, в постперестройку много артистов обратилось к церкви, поют духовную музыку. Только для меня это не работа, а служение. Готовность к нему должна созреть вместе с душой, судьбой. Иначе – ложь. Это как, помните, в советские времена парторги разные были. Кто-то искренне верил в идеалы, а кто-то делал карьеру на номенклатурной должности. Второе – не про меня. Сейчас, когда песне отдано 56 лет, могу говорить об этом без ложной скромности. Да, судьба распорядилась так, что избранная в конце концов сценическая профессия – куда уж публичней? Песня – для настроения, для услады чувств. Но согласитесь, что-то общее между детской мечтой и судьбой есть. И там, и там «берёшь в полон» души людские. Средства только разные. А ответственность одна – колоссальная...

ДОСЬЕ «ОГ»

Иван Иванович ПЕРМЯКОВ.
- Родился 14 марта 1944 г. в с. Пермяки Пермской области.
- После окончания Пермского строительного училища №16 получил специальность плотника-опалубщика, начал работать в Пермском строительном тресте №12.
- 1962 г. – принят солистом в Уральский русский народный хор.
- 1997-2003 гг. – директор Уральского народного хора, одновременно ведущий солист хоровой группы.
- С 2003 г. – заместитель директора по гастрольно-концертной деятельности концертного объединения «Уральский хор», совмещая с должностью ведущего солиста.
- Народный артист РФ.
- Кавалер ордена Дружбы народов.
- Лауреат премии губернатора Свердловской области.
- Почетный знак «За заслуги перед городом Екатеринбургом».

БЛИЦ-ОПРОС

– На игры ЧМ по футболу ходили?

– Некогда. Люблю и футбол, и хоккей, но смотрю урывками. Дни расписаны так, что я не могу себе это позволить. Не могу! С девяти утра выхожу репетировать на сцену. Значит, надо вставать в 5:30 – чтобы быть в форме. И до девяти вечера день занят под завязку.

– На красный свет можете перебежать дорогу?

– Крайне редко. Позволяю это себе, если только опаздываю на концерт или репетицию.

– Любимое время суток? И почему?

– Утро. Когда очень рано встаёшь. Можно многое успеть. Тогда даже в серое утро позитивный настрой. Думаешь: а что впереди? Или вечер после концерта, особенно если концерт удался.

– Какая книга сегодня на ночь?

– Художественную бы с удовольствием почитал. Не получается. То, что касается искусства, стараюсь просмотреть бегом. На ночь – только ноты. Столько всего надо запомнить. В голове – держать до 20 произведений.

– Самое памятное выступление?

– Года четыре назад – совместный концерт с Ансамблем имени Александрова в Доме офицеров. Ансамбль был приглашён в Екатеринбург командованием ЦВО. Солировали ***Василий Ланговой*** и Иван Пермяков. Любимейший мой коллектив с первого дня, как я в Москве увидел их воочию в Концертном зале имени Чайковского. Дирижировал сам ***Александров***, а великую песню «Соловьи» пел незабвенный лирический тенор ***Евгений Беляев***.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА ИВАНА ПЕРМЯКОВА

Уральская деревня неизменно напоминает ему детство и особенно один случай: заметив тягу сына к музыке, мать продала корову и купила ему гармонь. А что такое – остаться в селе без коровы?.. Он ту гармонь по сей день бережёт

– Отдых для вас – это...

– Я отдыхаю на работе. Чем больше работы – тем комфортнее.

– До какой степени можете повысить голос в отстаивании своей точки зрения?

– О, я взрывной. Это мой недостаток.

– Насколько привередливы в выборе концертного костюма? Вообще, сколько их у вас?

– Рубашек – около 80. Нельзя же выходить к зрителю абы как. Не надо любить себя. Надо любить зрителя. И к нему, любимому, надо выходить «в полном параде».

– Помните: «Если бы парни всей Земли хором бы песню одну завели...» Какую песню предложили бы для такого сводного мирового хора?

– «Я люблю тебя, жизнь!» Мы недавно спели её втроём на юбилее заслуженного артиста РФ ***Валерия Топоркова***, и я сказал себе: «Иван, этой песни нет в твоём репертуаре – ты что-то упустил в жизни». Наверстаю!

– Любимая и нелюбимая работа по дому?

– Нелюбимая – пылесосить квартиру, а любимая – петь 🙂

– На скольких языках, если это возможно посчитать, вы исполняли песни уральских композиторов?

– Около десяти. Японский, сербский, французский, чешский, словацкий...

– Пословица, притча или просто фраза, которая утешает, поддерживает вас в сложной ситуации?

– В этих случаях говорю себе: «Иван, ты обязан это сделать! Иначе нельзя...»

Больше материалов — на oblgazeta.ru

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА ИВАНА ПЕРМЯКОВА

Наталья Ветрова, министр культуры региона в 1998-2009 гг., и Иван Пермяков стали Почётными гражданами Свердловской области в один день, 18 апреля 2018 г. Символично и знаменательно. Вместе пережиты и лучшие, и труднейшие годы уральской культуры